

Смынтына Е.В.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(по материалам современной территории Украины)

Smintina E.V. To the problem of typology of Mesolithic monuments (on the materials of the modern Ukraine).

A short review of the basic Mesolithic monuments (base-camps, season sites, short-term location, centers of flint working and also of burials and cemeteries) gives the possibility to reveal the stages of evolution of systems of settlements and connected with them ways of vital activity, which in general coordinate with the palaeographic boundaries and condition the changes in the fundamentals of carrying on management: 1). Allerød; 2). Drias III-preboreal; 3). Boreal

Among the factors that influence greatly the choice of systems of life activity an important place takes the specific characters of the ecological niche and historically formed specific features of cultures (the ethnic culture inclusive) of certain groups of population.

The existence of every separate type of archaeological monuments presupposes the existence of a century developed system of self-regulating of the group of primitive people. Alongside with many other components it comprises: periodical displacements, sometimes into a considerable distance; living in one place, the ensuring of conditions good for vital activity and for continuation of family, the working and usage of labor implements, ritual activity.

Thus, studying of the systems of settlements on the basis of revealing and interpretation of monument types gives almost exhaustive information about the way of life of certain groups of population. In such a context the settlement can be at the same time both the means of adaptation to certain conditions of existence and the main historic source for the reconstruction of cultural-historical adaptation of a certain community of Mesolithic population.

Мезолит представляет собой один из наиболее сложных периодов истории человечества, на протяжении которого система жизнедеятельности населения неоднократно подвергалась принципиальным изменениям. Их направление и общая целесообразность становятся понятными при рассмотрении культуры мезолитического времени как сложной адаптивной системы, развитие которой во многом определялось особенностями эволюции окружающей среды. Непосредственно процесс приспособления к условиям существования осуществлялся путем соответствующего социально организованного освоения конкретной экологической ниши. Исторически эти процессы реконструируются на основе всестороннего изучения материалов археологических памятников и систем их распространения.

Изменение условий существования требует перестройки принципов освоения промысловой территории. Наиболее наглядно археологически это фиксируется в трансформации системы расселения и, как результат, в иной, по сравнению с предшествующим временем, структуре распространения поселений. Судя по результатам картографирования опорных памятников позднего палеолита, в этот период люди селились главным образом вдоль главных водных артерий (Рис. 1). Начиная с аллереда в степ-

ной зоне, а с начала пребореала и на всей территории современной Украины население постепенно отходит от больших рек и их притоков (Рис. 2). Мезолитические охотники и собиратели осваивают течения малых рек; свои поселения они устраивают также на склонах оврагов, в балках, лощинах и ложбинах, около небольших озер. Можно предположить, что такое "рассеяние" групп населения отражает общую тенденцию к индивидуализации хозяйственной деятельности.

Анализ карт археологических памятников свидетельствует о том, что между системой расположения поселения и изменениями природно-климатических условий и ландшафта существует определенная зависимость (Рис. 3, 4, 5, 6). Так, в случае ухудшения окружающей среды и, в частности, снижения плотности биомассы на единицу площади количество поселений резко снижается (дриас III — пребореал в степной зоне, частично конец бореала в лесостепи). Со стабилизацией условий существования количество обитателей в этих регионах постепенно возрастает. На протяжении всего мезолита Горный Крым и (до середины бореального периода) Среднее Поднестровье выделяются как области с самой высокой плотностью населения. Это может объясняться благоприятными условиями существования в этих экологических ни-

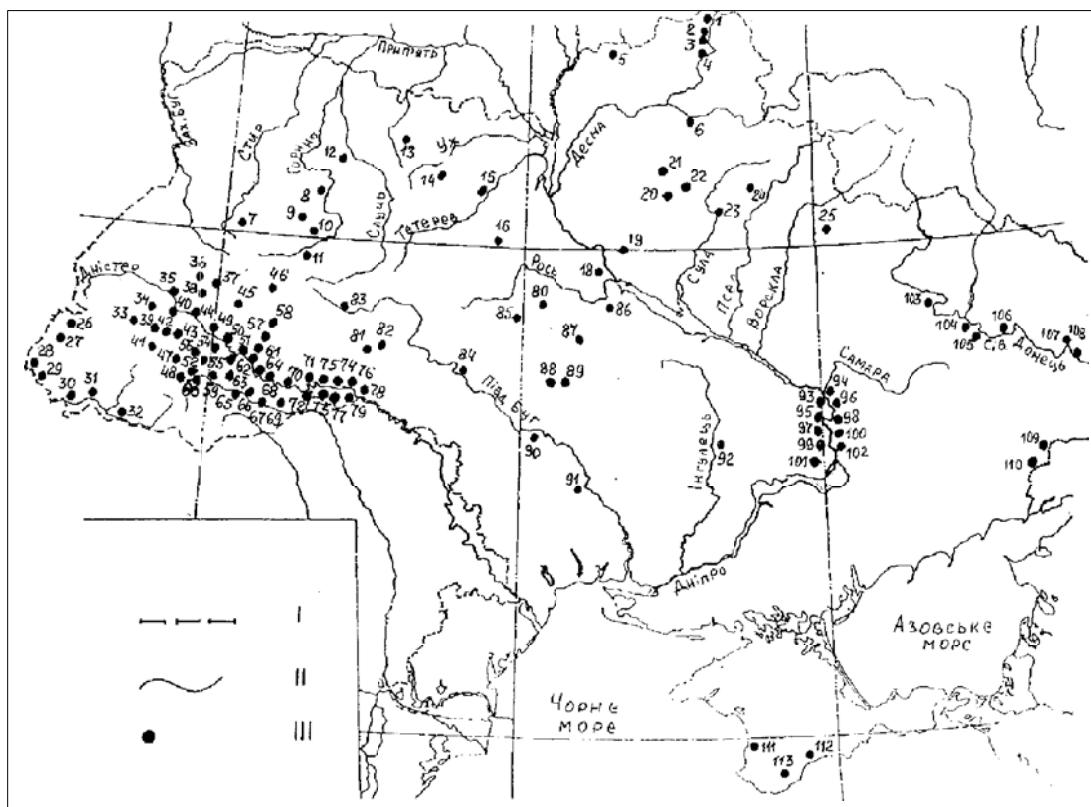

Рис.1. Карта опорных археологических памятников позднего палеолита.

шах, которые сочетают разнообразную фауну и флоры, удобные формы палеорельефа, легко доступные источники высококачественного каменного сырья. Таким образом, демографическая емкость ландшафта прямо пропорциональна количеству археологических памятников и до некоторой степени отражается в системе их распространения.

На протяжении мезолита неоднократно изменяется и характер комплексов поселений. В результате возникает проблема создания типологии археологических памятников заключительных фаз позднеледниковья — раннего голоцена. Традиционно на основе анализа характера и времени формирования культурного слоя выделяются одноразовые, или однократные, памятники (погребения, клады) и многократные, или многократные, с относительно длительным периодом накопления культурных остатков (поселения, могильники). Для мезолитического времени на территории современной Украины известны археологические памятники обоих типов. Роль погребений и могильников, а также их значение для реконструкции жизнедеятельности связанного с ними населения, нуждаются в отдельном детальном анализе. Изучение поселений, которые составляют абсолютное большинство памятников мезолитического времени, требует создания специальной типологии.

В этнологии в самом общем виде поселение определяется как место пребывания чело-

века, выбранное на относительно длительное время, где сооружены жилые и рабочие помещения, а также соответствующие собственные, иногда искусственно созданные, жилая площадка и окружающая хозяйственная территория. На этой основе под типом поселения понимаются их социально-экономические разновидности, а под формой поселения — его планировка (Витов, 1953: 34; Рах, 1989: 144).

В археологии под поселением, как правило, понимается некоторая площадь земной поверхности, которая была занята определенный промежуток времени отдельной группой населения, про что свидетельствует единство культурного слоя, геологические условия его залегания и тождественность культурных остатков (Sklenar, 1975: 145). В отличие от этнологов, археологи достаточно часто используют способ планировки в качестве критерия классификации поселений, выделяя в результате три основных типа: линейные, круговые и кучевые. Однако их подавляющее большинство имеет весьма близкое назначение и термин функционирования; там могут быть прослежены подобные культурные остатки. Кроме того, для эпохи мезолита поселения с несколькими жилищами — явление относительно редкое. В результате классификация поселения на основе их планировки не отражает должным образом специфику жизнедеятельности определенной группы населения и, в таком контексте, является малопродуктив-

ной для воссоздания систем адаптации мезолитического населения.

В археологии достаточно распространено также выделение типов поселений на основе изучения условий залегания их культурного слоя. Чаще всего различают пещерные памятники и поселения открытого типа, причем в последнем случае прослеживается четкая тенденция к выявлению самых разнообразных вариантов: дюнные стоянки, поселения на низких террасах, на высоких точках рельефа и др. В большинстве случаев в таких классификациях отражаются особенности палеорельефа конкретного региона, а также хронологические особенности поселений. Достаточно часто поселения, близкие по топографии, содержат принципиально отличные структурные элементы культурного слоя и имеют разное функциональное назначение. Это подтверждается, в частности, материалами позднепалеолитических и мезолитических памятников Поднепровья.

В последние годы в связи с постепенным возрастанием внимания к математическим методам обработки массовых археологических материалов появился новый подход к созданию типологии поселений, который условно можно назвать статистическим. Так, выделяют пункты (поселения с отдельными находками, количество которых не превышает 10 экземпляров), местонахождения (поселения без четко выраженного культурного слоя с более, чем 10 арте-

фактами) и стоянки (поселения, где прослеживается культурный слой) (Мацкевой, 1991: 23). Как и большинстве рассмотренных типологий, последняя категория весьма обширна и нуждается в дополнительной систематизации.

Особое место занимает классификация поселений на основе определения специфики хозяйственной деятельности их обитателей. Хронологически одним из первых ее вариантов в советской археологии стала схема И.Г. Пидопличко, который выделил стоянки и стойбища (1969: 18). Дальнейшим ее развитием применительно к мезолиту стало выделение стоянок, которые представляют собой остатки кратковременных сезонных остановок отдельных групп, поселений как мест относительно длительного проживания, а также стоянок-мастерских поблизости выходов сырья. В таком контексте дополнительного определения и уточнения требует допустимый максимальный удельный вес таких критериев выделения отдельных типов поселений, как обработка кремня на долговременных поселениях или, например, утилизация продуктов охоты и собирательства на стоянках-мастерских. Кроме того, на многих поселениях, мощность культурного слоя которых свидетельствует об относительно длительном сроке их функционирования, конструктивные остатки не обнаружены (например, Гиржево, Песочный Ров и др.). Таким образом, рассмотрение характеристик отдельных типов поселений дает основа-

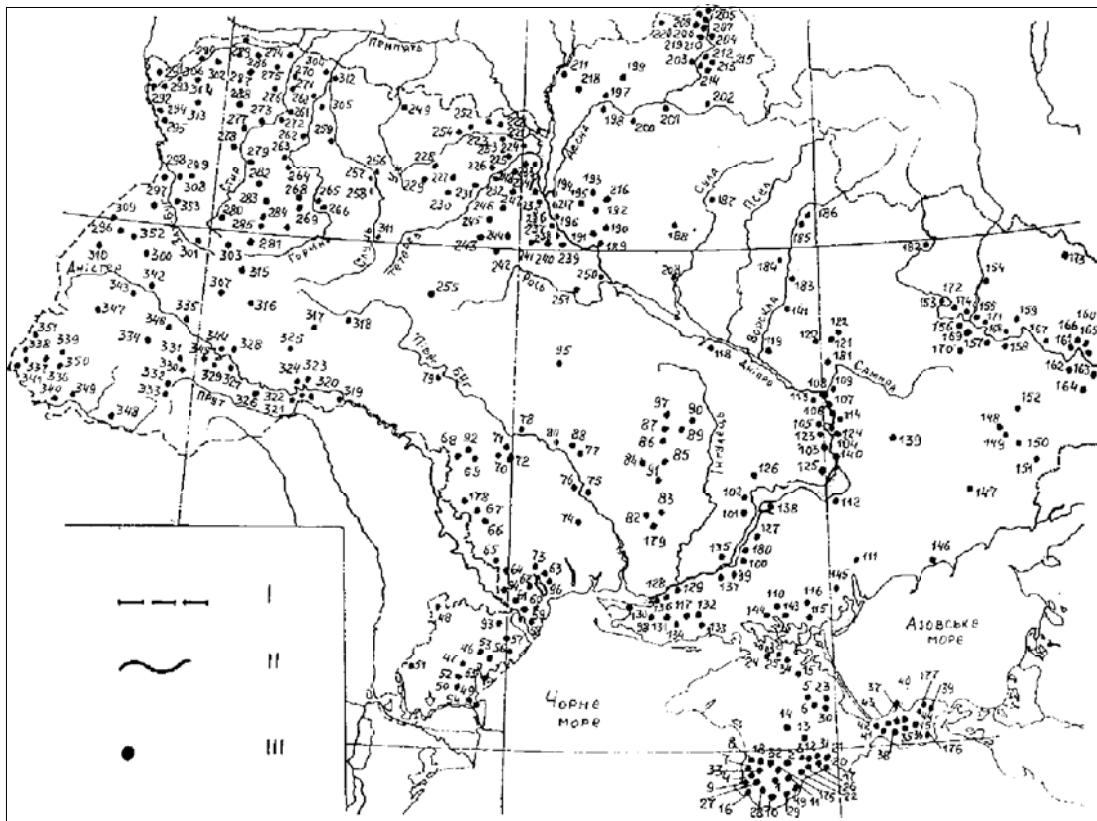

Рис. 2. Карта опорных археологических памятников мезолита.

ние допустить, что тут смешаны как минимум два критерия — длительность проживания и особенности хозяйственной деятельности. Более последовательно обоих этих принципов классификации памятников придерживаются современные англоязычные авторы.

На основе изучения видов хозяйственной деятельности обитателей поселения в самом общем виде выделяют монофункциональные дочерние хутора и полифункциональные базовые поселения (Gamble, 1990: 161). Одноцелевые поселения, в свою очередь, подразделяются на мастерские, лагеря собирателей, места забоя добычи, места обработки туш и др. (Binford, 1982: 26; Soffer, 1985: 355). Применительно к мезолитическим памятникам современной территории Украины, не все из этих категорий поселений можно с достаточной степенью достоверности отождествить с конкретными археологическими материалами. Кроме того, специфика хозяйства и структура промысловых видов в позднеледниковья — в раннем голоцене, скорее всего, не предусматривают существования, например, особых мест забоя и обработки добычи. С другой стороны, типология поселений, которая учитывает особенности деятельности их обитателей, может оказать существенную помощь в процессе воссоздания способов хозяйственно-культурной адаптации мезолитического населения.

Важным инструментом реконструкции образа жизни является также классификация поселений на основе длительности обитания на них, созданная К. Скленажем (Sklenar, 1975). Он выделил пять типов поселений:

1. Эфемерные, которыми пользовались лишь несколько дней;
2. Временные, связанные с целевыми группами охотников и собирателей на протяжении нескольких недель в теплое время года в богатых природными ресурсами местностях;
3. Сезонные, которыми пользовались зимой на протяжении нескольких месяцев;
4. Полупостоянные, где жизнь продолжалась несколько лет;
5. Постоянные, связанные с жизнедеятельностью не менее одного поколения.

Можно предположить, что в конце позднеледникового времени и в раннем голоцене существовали поселения первых четырех типов. Однако условия залегания абсолютного большинства мезолитических памятников современной территории Украины (на небольшой глубине, в выдувах, на эродированных склонах) существенно ограничивают возможности сохранения неповрежденного и непереотложенного материала. В результате эфемерные и временные поселения (по К. Скленажу) археологически практически не прослеживаются и/или не различаются между собой. Таким образом, выделение типов поселений, которое базируется на длительности обитания на них, дает важную

информацию о степени подвижности связанных с ними отдельных групп населения. С другой стороны, такие типологии часто не учитывают факторы, которые обусловили выбор именно такого образа жизни, и, в том числе, систему жизнеобеспечения.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к созданию типологий на основе целого ряда критериев. Так, например, В.М. Массон вслед за К. Флэннери и К. Хоулом, учитывая место расположения поселения, характер культурного слоя, специфику хозяйственной деятельности и длительность обитания на поселении для позднего палеолита Восточной Европы выделяет базовые стоянки, временные стоянки, промежуточные стоянки и мастерские (Массон, 1996: 36-37; Hole, Flannery, 1967: 162-165).

Анализ разнообразных вариантов типологии поселений свидетельствует об отсутствии единого подхода к решению этой проблемы. В большинстве случаев схемы отвечают конкретному заданию и нацелены на выявление особенностей той или иной сферы культуры. Для воссоздания целостной системы жизнедеятельности мезолитического населения наиболее плодотворным представляется выделение пяти основных типов археологических памятников, которые были распространены на территории современной Украины в эпоху мезолита:

1. Базовый лагерь — большое долговременное поселение с многочисленным производственным инвентарем, который представляет все стадии обработки кремня и разнообразные области утилизации орудий труда. Планиграфическое изучение распространения структурных элементов культурного слоя поселений этого типа дает возможность проследить жилища, очаги, места обработки каменного сырья, культовые и бытовые сооружения и др. Их устройство весьма сложно и разнообразно; во многих случаях оно определяется природно-ландшафтными условиями. Не исключено, что не все обитатели базовых лагерей были связаны с ними постоянно на протяжении всего периода функционирования поселения. Об этом свидетельствует формирование специфических “кустов” небольших памятников в их хозяйственной округе. Изучение скоплений на базовых лагерях мезолитического времени указывает на сложную социальную структуру связанных с ними общин.

2. Сезонные стоянки представляют собой одну из категорий археологических памятников, четкое определение которым дать крайне сложно. Как и на базовых лагерях, тут прослеживаются остатки всех основных видов жизнедеятельности населения: производство и использование орудий труда, обработки и потребление пищи, одежды и др. Как правило, жизнь на поселениях этого типа продолжается в течение нескольких месяцев в один из двух сезонов: теп-

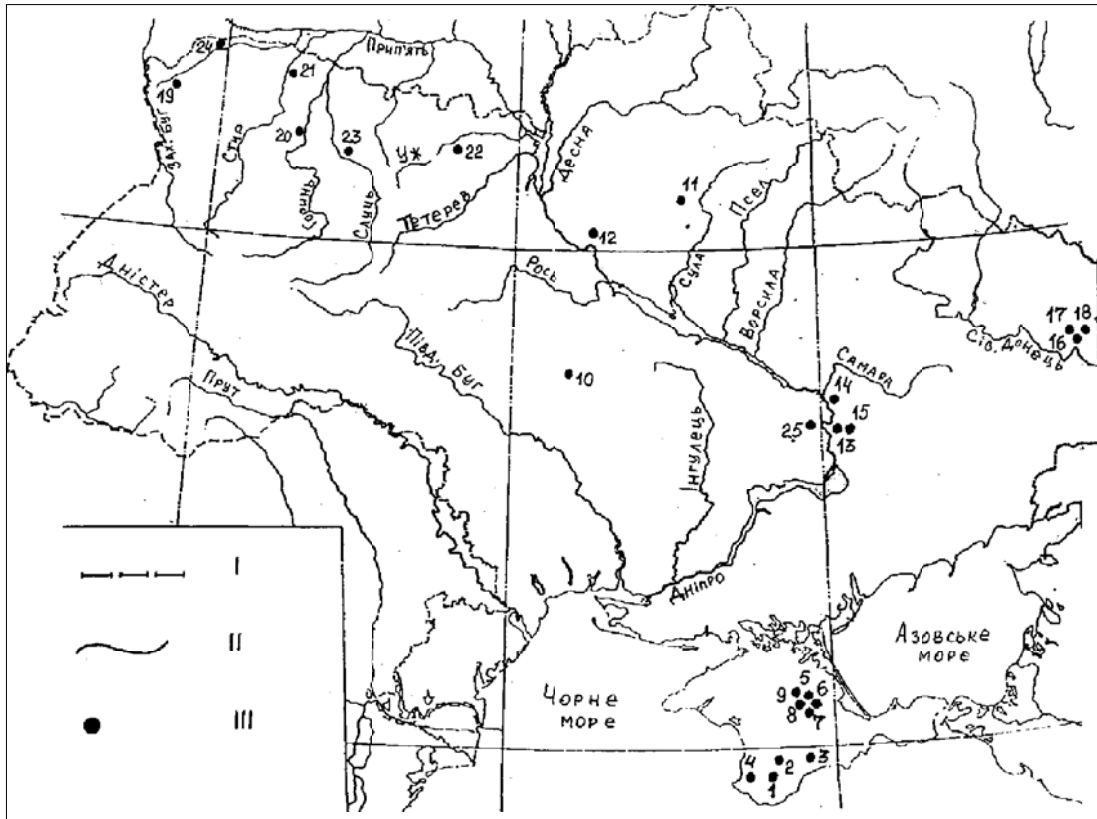

Рис. 3. Карта опорных археологических памятников аллереда — начала дриаса III.

лый (с апреля-мая по сентябрь-октябрь) или холодный. В некоторых случаях на основе стратиграфических наблюдений, трасологического анализа производственного инвентаря, изучения насыщенности культурного слоя и топографии, а также по остаткам фауны и микро- и макрофлоры можно определить сезон функционирования поселения.

Устройство сезонных стоянок и характер связанных с ними конструктивных остатков на территории Украины в мезолите крайне изменчивы. Это в целом характерно и для других регионов и для других периодов. В общем виде можно выделить три варианта мезолитических сезонных стоянок:

а) с развитыми комплексами, где прослеживаются жилища, очаги, хозяйственные объекты;

б) с упрощенными комплексами, то есть менее стабильные, где выделяется лишь одна разновидность структурных элементов культурного слоя;

в) так называемые “подвижные” комплексы без конструктивных остатков.

3. Кратковременные местонахождения составляют подавляющее большинство мезолитических памятников Украины. Как правило, культурный слой на таких поселениях отсутствует; среди находок — только небольшое количество кремневых изделий. Длительность обитания, хозяйственную ориентацию и связь с какой-либо социальной структурой установить на со-

временном уровне развития методики исследований практически невозможно.

4. Пункты кремнеобработки представляют собой памятники, состав находок которых указывает на абсолютное преобладание деятельности по обработке каменного сырья. Они фиксируются по скопления кремневого инвентаря, состоящих главным образом из отходов производства, сырья, нуклеусов, отбойников и содержащих относительно низкий процент изделий со вторичной обработкой (Федоров, 1953: 289; Сериков, 1988: 204).

Использование термина “мастерская” применительно к памятникам этого типа, вероятно, не всегда оправдано: в данный период производство имело дискретный характер, что не предусматривало существования специального мастера (Станко, 1989). Для позднего палеолита и неолита разработаны разнообразные типологии пунктов обработки кремня, которые построены с учетом места расположения данной категории памятников и удельного веса результатов отдельных стадий производственного процесса. Имеющиеся на сегодняшний день в научном обороте материалы пунктов кремнеобработки мезолитического времени пока не дают оснований для их классификации, в том числе и благодаря их немногочисленности и отсутствию четкой территориальной локализации и культурной атрибуции. Возможно, существенную помощь в этом сможет оказать ана-

лиз микроотходов как на пунктах кремнеобработки, так и на памятниках других типов (Fladmark, 1982: 206).

5. Погребения и могильники отражают особенности общественной структуры, идеологии и мировоззрения населения, а также специфику антропологического типа и некоторые аспекты материальной культуры и образа жизни. Устройство памятников данного типа и перспективы их изучения неоднократно становились предметами тщательного анализа (Даниленко, 1955; Столяр, 1957; Дворянинов, 1978; Телегин, 1982; Станко, 1995 и др.).

Система жизнедеятельности первобытного населения, вероятно, предполагала создание и использование одним и тем же коллективом сразу нескольких типов археологических памятников. Это позволяет предположить существование определенных систем поселений, например: базовый лагерь (и/или сезонная стоянка) — кратковременные местонахождения — пункты кремнеобработки — погребения/могильники. Их выявление и культурно-историческая интерпретация остается одной из проблем, не разработанных ни в эмпирическом, ни в теоретико-методологическом отношении.

На основании изучения пространственно-хронологического распространения отдельных типов археологических памятников можно выделить три основных этапа эволюции систем поселений, в общих чертах отвечающих отдельным палеогеографическим периодам.

Аллеред. Первый этап связан с аллередом, временем господства относительно благоприятного, теплого и влажного климата (Табл. 1). В условиях коренной перестройки фаунистического и растительного комплексов в *Горном Крыму* выделяется два основных типа памятников. Первым, преобладающим, являются сезонные стоянки охотников и собирателей. К их числу относится, например, поселение горизонта 2 слоя 6 (далее: 6/2) навеса Шан-Коба. Там в центре подпрямоугольной жилой площадки (около 32 кв.м.) раскрыто овальное пятно древнего кострища, граничащее со скоплением пережженных костей; в южной части прослежена выкладка из больших камней, которая, возможно, использовалась для укрепления заслона из ветвей при входе (Бибииков, 1936; 1946; Бибииков, Станко, Коен, 1994: 16). В горизонте 6/1 такая жилая площадка (26-30 кв.м.) прослеживается более четко; южный угол также завален камнями; в северной части зафиксировано небольшое округлое потемнение, возможно, от столба. Жилые площадки горизонтов 6/1 и 6/2 рассматриваются как остатки долговременного жилища (Бибииков, Станко, Коен, 1994: 16-17). На длительную связь населения со своей территорией указывает и клад кремневых изделий, прослеженный в поселении горизонтов 6/3-4 Шан-Кобы.

Характерную особенность аналогичной се-

зонной стоянки Замиль-Коба I (нижний слой) составляет очаг, выложенный из удлиненных известняковых камней и плит, а также погребение черепа человека (Крайнов, 1938: 12-13; 1940). На сезонном поселении в навесе Буран-Кая раскрыты остатки кострищ и скопление кремневых отходов и сколов, отвечающее рабочему месту (Бадер, 1940).

В общих чертах похожее устройство имеют однокультурные поселения в 1-4 горизонтах сл. 3 Грота Скалистого. Первичная обработка сырья осуществлялась на участке древнего склона перед навесом; в пределах жилой площадки имела место вторичная обработка и использование орудий труда. Внимание привлекает впущенная с уровня жилища в горизонте 3/3 хозяйственная яма, в заполнении которой найдены кости животных, гальки-наковальни, уголки, охра, кремневые нуклеусы и сколы, а также часть бедренной кости подростка (Коен, 1994: 143-146). Такое заполнение углублений в культурном слое пока что не имеет прямых аналогов в материалах мезолитических поселений Украины.

К типу сезонных стоянок охотников и собирателей на основе состава находок и наличия остатков очага можно отнести также поселение в слое Б Вишенного II (Яневич, 1992).

Вторым типом археологических памятников Горного Крыма этого времени можно считать пункты кремнеобработки (Биук-Карасау I — IV). Их изучение продолжается, что не позволяет уточнить особенности их устройства.

Анализ типов археологических памятников Горного Крыма аллередского времени свидетельствует об относительно стабильном, оседлом образе жизни. Для сезонных стоянок характерны усложненные комплексы материальной культуры, включающие жилища, кострища и другие структурные элементы культурного слоя. На достаточно тесную связь со своей промысловой территорией указывает также наличие специальных пунктов обработки кремня. Такой образ жизни стал возможен в результате трансформации культурной традиции и перехода к новому способу адаптации, что отразилось в формировании шан-кобинской культуры.

В аллереде существенно изменяется и способ жизни финальнопалеолитического населения *степной зоны*. В это время тут существовали археологические памятники трех типов: кратковременные местонахождения, сезонные стоянки и могильник.

Наиболее многочисленную группу составляют кратковременные местонахождения, которые представлены главным образом подъемным материалом. Среди сезонных стоянок одним из самых фундаментальных является круговое поселение в слое IIIв Осокоровки, где выявлены наземные жилища округлой формы, внешние и внутренние очаги, а также выделены места обработки кремня как внутри, так и за

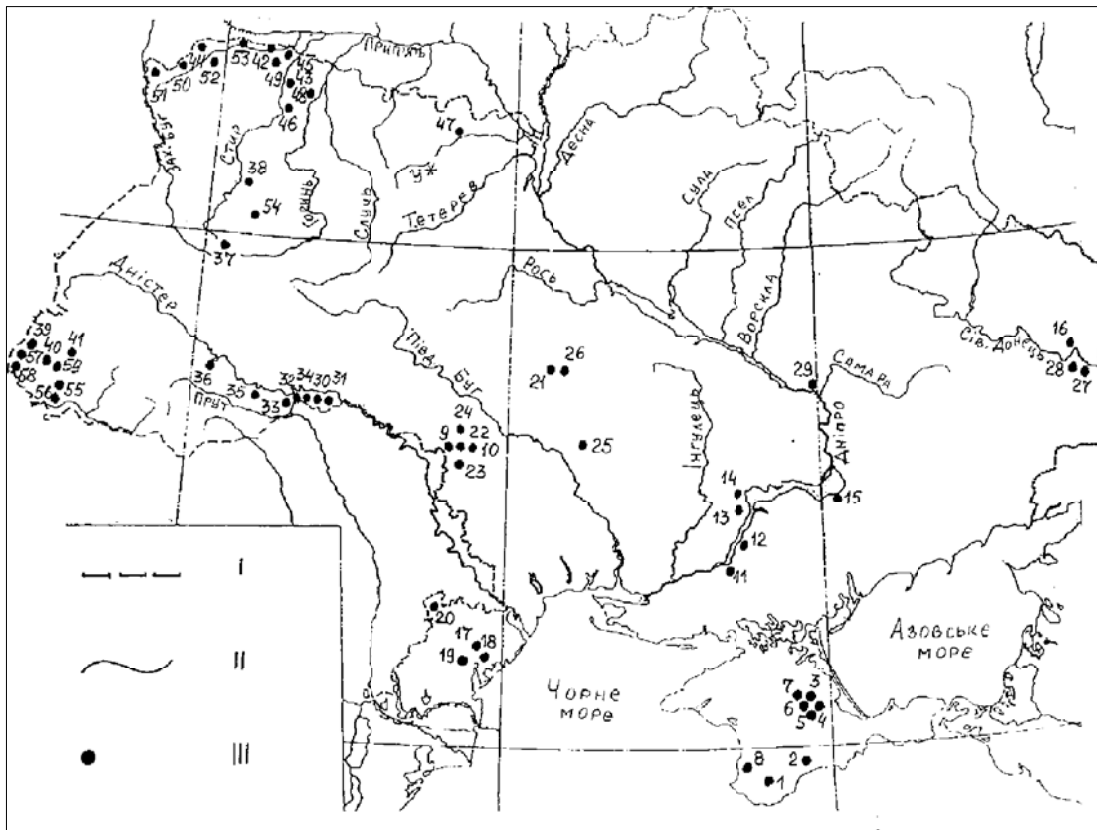

Рис. 4. Карта опорных археологических памятников второй половины дриаса III — начала пребореала.

пределами жилищ (Колосов, 1964). На двух других сезонных стоянках Роголик 2 и Владимировка сл. 3 прослежены только остатки соответственно 1 и 3 кострищ (Черныш, 1953: 47; Телегин, Тарасенко, 1983: 35).

Такая система поселений и связанный с ней образ жизни обусловлены, скорее всего, взаимодействием целого ряда факторов. Среди них важное место занимает изменение окружающей среды, и в том числе — начало смены фаунистического комплекса. В условиях высокой плотности населения, имеющего в своем распоряжении высококачественное охотничье вооружение, это вызвало необходимость перехода к новым основам жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Одним из вариантов приспособления к условиям существования аллередского времени была трансформация культурной традиции и формирование в результате осокоровской культурной традиции. Это дало возможность части населения найти свою экологическую нишу и снова перейти к относительно стабильному образу жизни, что и нашло отражение в материалах финальнопалеолитических поселений Осокоровка сл. IIIв и Роголик 2. Не исключено, что с носителями этой культуры связан и Волошский могильник, также свидетельствующий об упрочении связей с территорией проживания.

Вторым вариантом адаптации финальнопалеолитического населения степной зоны к из-

менившимся условиям окружающей среды аллередского времени было повышение подвижности с целью расширения кормовых площадей, отход части населения в северные районы. На новых территориях они стараются сохранить традиционные основы системы жизнеобеспечения, чему способствует явление так называемой преадаптации, основывающееся в том числе и на подобию природно-ландшафтных условий (Migration, 1994: 872; Stein, Rowe, 1989: 132, 134). Это подтверждается, например, материалами финальнопалеолитического поселения Журавка в лесной зоне, где раскрыто три скопления размерами 3 x 4 м без жилищ и без очагов (Рудинський, 1929; Рудинський, Вороний, 1928). Оставшаяся в степи часть местного анетовского населения в результате снижения давления на кормовую территорию получила возможность до некоторой степени стабилизировать свою систему жизнеобеспечения, о чем свидетельствуют материалы поселения Владимировка сл. 3.

Население лесостепной и лесной природно-ландшафтных зон современной территории Украины в аллереде практически полностью сохраняет традиции предшествующего времени. Это отразилось в типично позднепалеолитических типах археологических памятников и комплексах материальной культуры, в том числе и кремневой индустрии. Так, подавляющее большинство известных аренсбургских поселе-

ний относится к типу кратковременных местонахождений и представлено исключительно подъемным материалом; остатки жилищ или кострищ не обнаружены (Зализняк, 1989).

Таким образом, в аллереде на территории современной Украины сосуществует целый ряд систем адаптации, что отразилось в разнообразной структуре систем поселений отдельных природно-ландшафтных зон. В тех регионах, где под влиянием изменений палеогеографических условий происходит трансформация культурной традиции (Горный Крым и частично степная зона), функционируют долговременные сезонные стоянки охотников и собирателей с развитыми комплексами материальной культуры. Это свидетельствует про относительно стабильные связи населения со своей промысловой территорией. Высокий уровень подвижности отдельных финальнопалеолитических коллективов связывается с культурами, носители которых практически полностью сохраняют традиционный образ жизни, структуру промысловых видов и — как результат — систему поселений (анетовская и аренсбургская культурные традиции).

Дриас III — пребореал. Отличия в системах поселений между группами населения, обитающими в разных природно-ландшафтных зонах, более четко начинают проявляться на протяжении дриаса III — пребореала, периода господства сурового, прохладного и засушливого климата (Табл. 2).

В Горном Крыму в это время прослеживаются

существование сезонных стоянок двух типов. К первому относятся поселения с относительно развитыми комплексами. Принципы их организации по сравнению с предшествующим временем практически не изменяются. Так, заполнение сл. 4 навеса Шан-Коба по характеру близко позднеледниковому сл. 6, что дает основание предположить существование тут аналогичных сооружений. Похожие поселения раскрыты в сл. 6 навеса Фатьма-Коба. Найденные тут объекты рассматриваются как остатки долговременного жилища площадью 12 кв.м. с углубленным полом и двумя периодами заселения, рядом с которым находился ветряной заслон и место обработки кремня около входа (Бибииков, Станко, Коен, 1994: 16-17, 76). Поселение, скорее всего, функционировало на протяжении зимнего периода (Бибииков, 1966: 139). Остатки двух кострищ в пределах жилой площадки раскрыты в сл. 2 гота Скалистый (Коен, 1994). Аналогичное сооружение прослежено в слое 4 Алимовского навеса (Столяр, 1961: 43).

С другой стороны, в пребореале появляются сезонные стоянки с упрощенным устройством. Только очаги без остатков жилых сооружений выявлены на поселениях Вишенное II сл. "А" и Куба (Тарасов, 1985: 364; Яневич, 1994: 290).

Еще один вариант комплексов сезонных стоянок представлен материалами верхнего слоя скального навеса Сюрень II, состав артефактов которого свидетельствует об изготовлении и использовании орудий труда на поселении. Тем

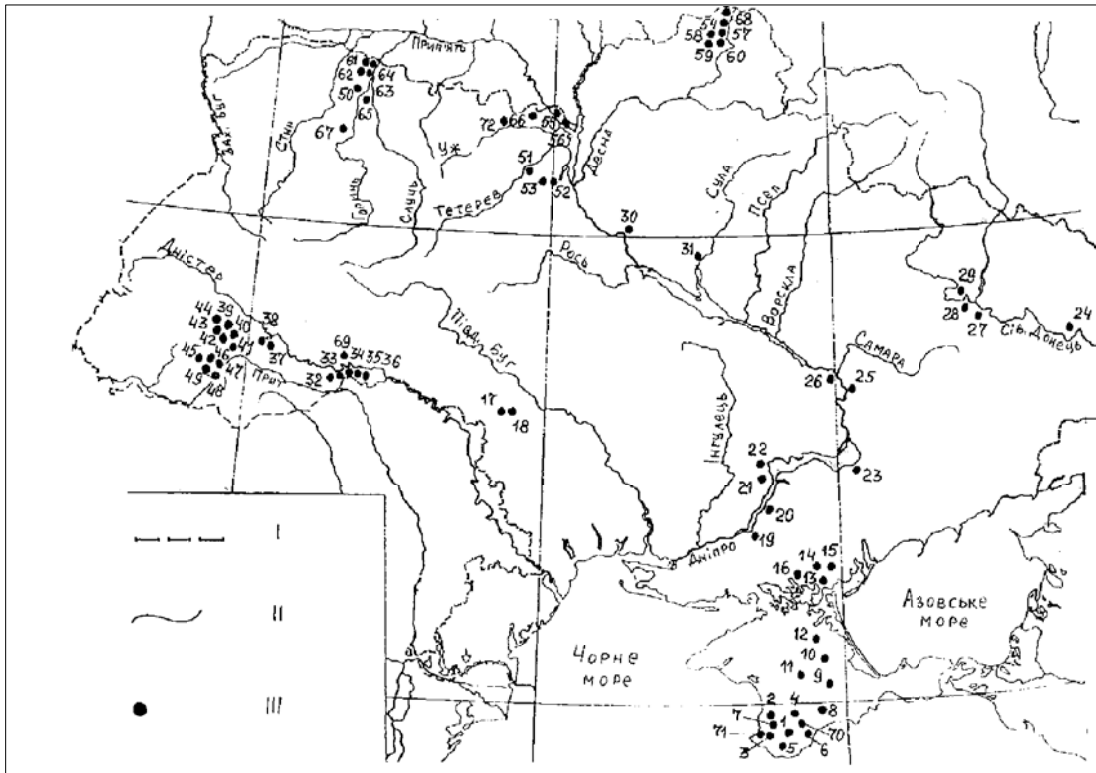

Рис. 5. Карта опорных археологических памятников пребореала.

не менее, из всех разновидностей структурных элементов культурного слоя там выявлена лишь хозяйственная яма 1.3 x 1 м, дно которой выложено известняковыми плитами (Векилова, 1957: 7).

В целом дриас III — пребореал в Горном Крыму можно рассматривать как своего рода переходный период. С одной стороны, разнообразие природных ресурсов позволяло частично сохранять относительно оседлый образ жизни. Однако с начала голоцена все четче начинают проявляться кризисные черты, что отразилось в упрощении комплексов. Последнее, не исключено, указывает на постепенное повышение уровня подвижности населения. Это подтверждается также исчезновением специальных пунктов кремнеобработки, которые являются определенными показателями степени связи населения с конкретной территорией.

В *степях* в дриасе III — пребореале продолжается перестройка фаунистического комплекса, сопровождавшаяся постепенной аридизацией климата. Изменения палеогеографической ситуации обусловили продолжение отхода населения из этого региона, а также влекли за собой изменение образа жизни и систем поселений.

Крупные сезонные стоянки позднепалеолитического типа на рубеже плейстоцена и голоцена исчезают. Ярким примером данной категории поселений эпохи мезолита являются материалы стоянки Белолесье в Нижнем Поднестровья. Там раскопано 4 подокруглых скопления, расположенные вдоль берега р. Сарата и состоящие из фауны и кострищ. Эти комплексы, возможно, отвечают небольшим (до 12 кв.м.) наземным куренеподобным жилищам. Скорее всего, поселение функционировало в теплое время года; тут могло проживать около 20 человек на протяжении как минимум 3.5 месяцев (Станко, 1980: 92; 1985: 32, 35).

На некоторых сезонных стоянках, которыми пользовались летом в течение незначительного промежутка времени, обитатели могли ограничиваться ветряными заслонами из веток и жердей, которые иногда укреплялись камнями и покрывались травой и мхом. Так, на поселении Зимовники 1 в Юго-Восточном Приазовье в раскопе 3 южная часть скопления кремня и отдельных фрагментов фауны была оконтурена тремя плитами песчаника; контуры ямы не прослеживаются (Горелик, 1984а: 127).

К числу сезонных стоянок без конструктивных остатков можно отнести поселения в раскопах 1 и 2 Зимовников 1. В раскопе 2 изделия из кремня и сланца, фрагменты фауны и раковины концентрировались в овальном скоплении размерами 8 x 5 м, а в раскопе 1 они были ограничены неправильным полукольцом из плит песчаника радиусом около 3 м (Горелик, 1984а: 115, 123). Такая планиграфия культурных остатков дает основания предположить су-

ществование легких куренеподобных жилищ или навесов.

Наиболее распространенным типом поселений степной зоны, начиная с дриаса III, стали кратковременные местонахождения, которые в большинстве случаев представлены исключительно подъемным материалом.

Таким образом, в дриасе III — пребореале в степной зоне складывается специфический способ социокультурной адаптации, основными характерными чертами которого являются мобильность и дисперсность населения. Эти черты проявляются также и в пестрой этнической карте региона. Для этого периода какая-либо четкая традиция устройства поселений или система их взаиморасположения не прослеживается. Возможно, единственным принципом существования в кризисной палеоэкологической ситуации, которая постепенно обостряется, было стремление максимально использовать имевшиеся в степи ресурсы для обеспечения выживания с минимальными затратами труда (Станко, 1982).

Иная ситуация складывается в дриасе III — пребореале в *лесной зоне*. Северные области Украины, освободившиеся от постгляциальных явлений, сохраняют во многих чертах привычные для населения условия существования. Сюда в поисках охотничьей добычи с юга и запада проникают группы, придерживающиеся позднепалеолитических основ ведения хозяйства и создающие соответствующую материальную культуру. Они расселяются среди носителей автохтонных культурных традиций.

Для сезонных стоянок охотников и собирателей этого периода характерны более простые, по сравнению с предшествующим временем, комплексы, в состав которых чаще всего входят либо жилища, либо очаги.

Так, в Западном Полесье в нижнем слое поселения Нобель 1, которое датируется временем 10 тыс. л.н., выявлено 6 очагов, четыре из которых ограничивают прямоугольное скопление кремневого инвентаря (Грибович, 1987б: 67). Похожее устройство имеет сезонная стоянка Дворище в бассейне р. Иквы (Березанская, 1968: 30). В слое С дюнной стоянки Народици в Киево-Житомирском Полесье открыты остатки пяти круглых и удлиненных очагов диаметром 0.6-1.4 м и мощностью до 0.5 м, вокруг которых концентрируются находки кремневых артефактов. Типологически и хронологически близки им прослеженные в слое В этого же поселения скопления у очагов № 6-21, которые датируются рубежом пребореала и бореала (Телегин, 1982: 144-145; 1985: 142). Топография поселения (высота над поймой 2 м) и отсутствие утпленных жилищ позволяют предположить, что стоянка функционировала в теплое время года.

К типу сезонных стоянок с упрощенными комплексами относится также поселение Малая Осница II, где раскопками раскрыта свидерская

землянка (Охрименко, 1983: 303). Остатки углубленного жилища, возможно, с внутренним очагом, вокруг которых концентрируются все артефакты, найдены около с. Рудня Шибенская Киевской области (Зализняк, 1984: 29-30). Мощные ортштейны свидетельствуют о существовании в древности углубленного жилища на поселении Загай 1 в Среднем Поднепровье (Савчук, 1975: 94).

Второй вариант сезонных стоянок охотников и собирателей лесной полосы представлен материалами поселения Раска в Бородянском районе Киевской области. Там в нижней части подпочвы найдены многочисленные кварцитовые и гранитные валуны, использовавшиеся для хозяйственных нужд (Зализняк, 1977а: 295). Такое упрощение устройства сезонных стоянок, скорее всего, является результатом сложного процесса перестройки экологической обстановки. С одной стороны, палеогеографические условия существования, сохранившие черты предшествующего времени, на протяжении раннего мезолита еще позволяли осуществлять привычный, относительно оседлый образ жизни. В связи с этим обращает на себя внимание культурная принадлежность описанных комплексов сезонных стоянок — все они (кроме поселения Загай 1) связаны с позднесвидерским населением, то есть наследниками местных обитателей финальнопалеолитического времени. С другой стороны, проникновение населения из сопредельных территорий создает до некоторой степени стрессовую ситуацию, ответом на которую и было придание комплексам относительно большей подвижности.

И все-таки в дриасе III — пребореале связь позднесвидерцев со своей территорией остается пока еще достаточно тесной. На это указывает наличие многочисленных пунктов обработки кремня, второго основного типа археологических памятников лесной природно-ландшафтной зоны раннего мезолита. К их числу относятся, например, расположенная поблизости выходок кремневого сырья в оврагах у боровой террасы левого берега р. Смячка в среднем течении Десны группа памятников. Среди них Смячка 17А, инвентарь которой составляют преимущественно ошпы, обломки и сколы с нуклеусов (Телегин, 1982). В материалах расположенных неподалеку пунктов Бугры 1А и Крейда 3 прослеживается полный цикл первичной обработки кремня (нуклеусы, отщепы, пластины) (Неприна, Зализняк, Кротова, 1986: 101-102). Такие же типологические группы изделий обнаружены у с. Деревляны Каменско-Бугского района Львовской области (Мацкевой, 1987а: 370-371). К числу пунктов кремнеобработки можно отнести также находки у с. Малые Дорогостай Ровенской области и с. Старая Ушица Хмельницкой области (Рудинский, 1928; 1952; Конопля, 1980).

У с. Поповцы в верховьях р. Иквы Львовс-

кой области на расстоянии 1 км от выхода сырья открыт пункт кремнеобработки. Он состоит из 5 подокруглых скопления диаметром до 2 м, каждое из которых соотносится с местами работы "мастеров". В скоплениях 1 и 2 найдены только результаты первичного расщепления кремня, а в скоплениях 3-5 выявлены также скребки, резцы и вкладыши ножей. В 200 м на запад от этого пункта раскопано поселение, инвентарь которого (двуплощадочные нуклеусы, пластины и их сечения, скребки, резцы, вкладыши) концентрируется в южной части раскопа около следов кострища. Автор раскопок рассматривает поселение и пункт кремнеобработки как целостный комплекс (Грибович, 1987а: 321-322). Такое утверждение предполагает высокий уровень оседлости данной группы населения.

В целом в дриасе III — пребореале в лесной зоне проявляются две тенденции. С одной стороны, местное население сохраняет свои традиционные черты материальной культуры и образа жизни, что отразилось в наличии относительно стабильных комплексов сезонных стоянок и пунктов кремнеобработки. С другой, переселение сюда носителей пришлых традиций с юга и запада изменяет демографическую и экологическую ситуацию, что вносит определенные изменения в образ жизни и способы адаптации населения лесной зоны. Это проявляется в упрощении комплексов материальной культуры, что достаточно четко прослеживается по материалам целого ряда памятников, начиная уже с середины пребореала.

Лесостепь, занимая промежуточное положение между степной и лесной природно-ландшафтными зонами, в определенной степени объединяет отдельные черты способствования культурной адаптации населения обоих регионов. Разнообразие природных ресурсов и успешное приспособление к прохладным климатическим условиям способствовали сохранению в Поднепровье на этом этапе позднепалеолитических традиций материальной культуры и быта населения. Это отразилось в функционировании группы сезонных стоянок сложного устройства.

На поселении Молодова V в сл. 1, который датируется дриасом III, открыто 5 овальных скоплений культурных остатков и 13 связанных с ними кострищ. По подсчетам А.П. Черныша, тут на протяжении 5 месяцев обитало 65 человек (Черныш, 1975: 44-46; 149). В близком по времени слое 1а этого поселения найдено 4 аналогичных скопления площадью от 8 до 32 кв.м. Они интерпретируются как остатки куреневидных жилых сооружений, где в течение 3.5 месяцев проживало 55 человек (Чердынцев, 1971: 308; Черныш, 1975: 32, 149). В обоих дриасовых слоях Молодовского поселения большинство скоплений имеет сложную внутреннюю структуру. Так, в слое 1а скопление № 1 содер-

жит 4 очага, № 3 — 3, № 2 и № 4 — по одному; кроме того, выявлено 2 очага вне комплексов. В слое 1 с центральным и юго-западным скоплениями связаны по 4 очага, с юго-восточным — 3, а также обнаружено 2 отдельных очага как центры сооружений наподобие куреней (Черниш, 1975: 32, 48). Такая планиграфия структурных элементов культурного слоя может быть связана с формой социального устройства более сложной, чем парная семья, с которыми чаще всего связывают отдельные очаги. В таком случае высчитанное А.П. Чернышом количество обитателей и срок обитания на поселении можно рассматривать лишь как один из возможных вариантов.

Относительно долговременные комплексы выявлены также и в Левобережной Лесостепи. На сезонном поселении Вязовок 4а в пойме р. Слелород на Полтавщине раскрыто 5 неправильно-подокруглых жилищ со слегка углубленным (“втопанным”) полом; площадь жилищ № 1 и № 3 составляет 10-12 кв.м., а жилых сооружений № 2, № 4 и № 5 достигает 20 кв.м. Скопления артефактов и фауны расположены около внутренних, иногда углубленных, очагов и внутри жилищ, выходя из их пределы не более, чем на 1 м; максимальная мощность скопления не превышает 30 см (Неприна, Супруненко, Гавриленко, 1992: 139; Гавриленко, 1995: 7; 1997). Жилища одновременны; специ-

ализации хозяйственной деятельности в отдельных сооружениях не прослеживается; процесс изготовления и использования орудий труда осуществлялся в каждом жилище (Коен, 1992: 15). Выявленный в жилище № 2 вход типа сеней, немного углубленный пол и внешний вид сооружения, который реконструируется в виде чума, указывает на относительно длительный период обитания на поселении, скорее всего, в холодное время года.

Существование долговременных сезонных стоянок в дриасе III — пребореале в обеих провинциях лесостепной зоны свидетельствует об определенной близости образа жизни их обитателей. Последнее, вероятно, было обусловлено общими чертами палеогеографической ситуации и разнообразием природных ресурсов. С другой стороны, в устройстве археологических памятников этого типа, в формах жилищ и очагов прослеживаются определенные отличия. Возможно, эти различия связаны с определенным хронологическим разрывом во времени функционирования поселений. Не исключено также, что тут нашла отражение региональная специфика условий существования среднестровской и левобережной провинций.

В определенной мере как подтверждение второй гипотезы можно рассматривать присутствие в Левобережной Лесостепи на границе с лесной зоной ряда пунктов кремнеобработки,

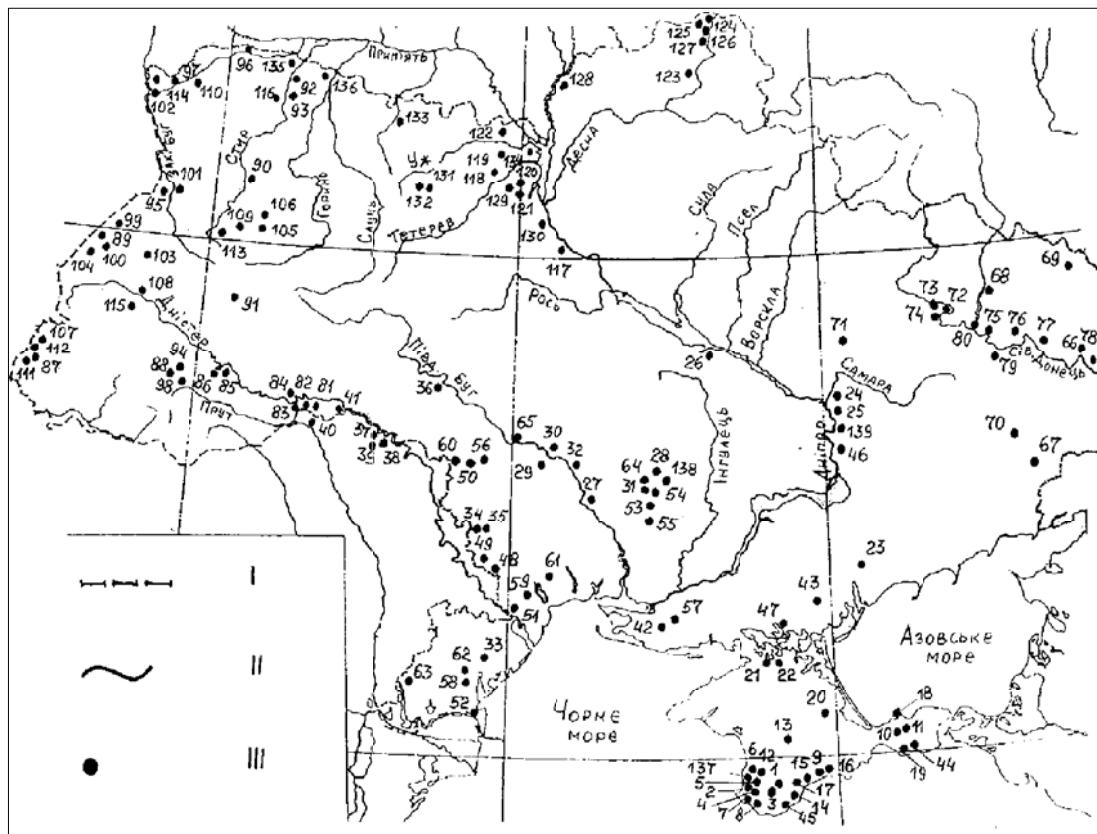

Рис. 6. Карта опорных археологических памятников бореала.

что подтверждает относительно прочные связи населения со своей промысловой территорией. К памятникам данного типа следует отнести Незвисько Х в Ивано-Франковской области (Мацкевой, 1991: 18). Внимание привлекают материалы расположенного поблизости памятника Незвисько XXI, который датируется 10 — 9.5 тыс. л.н. Тут найдены три каменные кольцевые выкладки, которые интерпретируются как основания жилищ типа чумов, покрытые шкурами животных. Около возможного входа в одно из них найдены остатки очага и скопления кремня с низким процентным содержанием изделий со вторичной обработкой. Всего одно кострище вряд ли могло удовлетворить потребности трех парных семей в тепле и средстве обработки продуктов питания в климатических условиях «крайне суровых, на грани выживания» (Мацкевой и др., 1983: 11; 1987б: 84). Кроме того, тут отсутствует фауна, хотя на соседних поселениях (Молодова V, Кормань IV, Оселивка I, Бабин I) она многочисленна. Несмотря на большое количество высококачественных месторождений кремня в районе с. Незвисько, тут найден небольшой клад сырья и нуклеусов (Мацкевой, 1991: 107). Все это указывает на преобладание деятельности по обработке кремня. На однокультурном памятнике Камяница V, расположенном в лесной зоне, прослежено сооружение близкого устройства; в составе инвентаря Камяницы V, как и в наборе изделий Незвисько XXI, представлены все технологические стадии процесса изготовления орудий труда (Мацкевой, 1987б: 87). Внимание привлекает лишь незначительное количество целых пластин на обоих памятниках. В целом же Камяница V и Незвисько XXI могут рассматриваться как пункты кремнеобработки, где осуществлялись все технологические операции этого процесса. Каменные кольцевые выкладки в таком контексте, наиболее вероятно, использовались как основания заслонов от ветра для работавших в непогожие дни. Учитывая расположение этих однотипных и однокультурных памятников в разных природно-ландшафтных зонах, их устройство можно интерпретировать также как специфическое проявление этнической культуры.

В Левобережной Лесостепи, кроме Вязовка 4а, известны пока что лишь небольшие кратковременные местонахождения, представленные исключительно подъемным материалом. Такое отличие системы поселений до некоторой степени может отражать также и недостаточную изученность Слободской Украины.

В целом в дриасе III — в пребореале в лесостепной зоне отсутствует единый эталон системы поселений. В начале этого периода местное население имеет возможность сохранять традиционную материальную культуру и образ жизни, что отразилось в функционировании относительно долговременных комплексов поселений Молодова V (сл. 1, 1а) и Вязовка 4а.

На Правобережье такой способ адаптации сохраняется на протяжении всего пребореала, о чем свидетельствует наличие специальных пунктов обработки кремня. В процессе расселения в другую природно-ландшафтную зону (лесную) молодовцы в определенной мере упрощают свои комплексы; лишь в одном случае найдены остатки ветряного заслона с очагом (Камяница V) и еще в одном найдены следы наземных кострищ (Поповцы I). На всех остальных известных памятниках какие-либо структурные элементы культурного слоя не выявлены. Наряду с этим, изменение климатических условий и трансформация фаунистического комплекса обуславливают становление нового образа жизни также и в границах лесостепной зоны. Эта тенденция проявляется в повышении уровня подвижности населения и в преобладании, со второй половины пребореала, небольших кратковременных местонахождений. Не исключено, что в Левобережной Лесостепи этот процесс начинается немного раньше, о чем свидетельствует иная, по сравнению со Средним Поднепровьем, система поселений.

Бореал. С переходом к бореальному периоду голоцена смягчение климатических условий способствует общей стабилизации жизни и ведет к новым изменениям в адаптации населения (Табл. 3). В это время мезолитические группы осваивают водоразделы и долины небольших рек. Количество археологических памятников возрастает.

Наиболее наглядно изменения типологии поселений и связанного с ними образа жизни проявляются в *степной зоне* современной Украины. В это время тут вновь появляются базовые лагеря охотников и собирателей. К памятникам данного типа можно отнести Мирное в Нижнем Подунавье, где раскрыты 58 очагов и пекарских ям, которые концентрируются в центре поселения. На периферии по периметру очажной зоны выявлено 18 скоплений средней площадью 30 кв.м., возможно, отвечающие микрокомплексам центра лагеря (Станко, 1982: 56-58, 78-80). Изучение состава находок отдельных скоплений дает основания рассматривать их как хозяйственно-бытовые комплексы широкого назначения, где осуществлялась обработка кремня, изготовление одежды, предметов быта, потребление продуктов охоты и собирательства. Состав находок и фауны свидетельствует о том, что поселение функционировало круглый год. В холодный сезон над скоплениями могли сооружаться легкие куреневидные жилища из жердей и ветвей, а летом устраивать навесы, защищающие от солнца. Судя по количеству раскрытых скоплений, тут на протяжении 9 месяцев обитало более 150 человек. Однако жизнь на поселении в действительности могла продолжаться и дольше, что подтверждается находками более 30 тыс. недиагностичных костей и свидетельств широкого потребления растительной

пищи, что не учитывалось в ходе палеоэкономического моделирования. Не исключено также, что не все связанные с Мирным группы обитали тут постоянно. На это указывает ряд кратковременных однокультурных местонахождений в непосредственной близости от базового лагеря — Мирное 2, Мирное 3, Васильевка (Китай-озеро), Борисовка, Траповка, Новоселицы I, Тарбунары I и др. (Красковский, 1978; Кизь, 1980; Станко, 1997). Такая система расположения поселений частично свойственна в бореале и для лесной зоны. Возможно, эти “кусты”, состоявшие из поселения и нескольких местонахождений, связанных с отдельной экологической нишей, охватывали промысловую территорию и соотносились с определенной формой социального устройства населения.

Второй вариант базовых лагерей степной зоны реконструируется на основе материалов поселения Игрень 8 в левом берегу р. Самара в Днепровском Надпорожье. Тут на краю бортовой террасы раскопано 7 подокруглых жилищ диаметром до 8 м, углубленных в материк до 1 м. Они имели каркас из жердей и коническую крышу, перекрытую камышом; на дне углублений прослежены скопления инвентаря, золы и угля, хотя очаги открыты лишь в двух жилищах (Балакин, Козловский, Телегин, 1979: 294; Телегин, 1980). Почти все объекты были повреждены размывом, а в нескольких прослежены остатки пожара, уничтожившего сооружение (Добровольский, 1949: 246). Среди исследователей нет единого мнения по поводу одновременности проживания во всех землянках. Тем не менее, наличие углубленных жилищ и очагов указывает на длительность функционирования поселения, обитатели которого занимались главным образом охотой и рыбной ловлей. “Куст” его памятников, связанных с речной экономикой, составляют поселения на островах Сурской, Лоханский, Кизлевый, Шульговка и др. (Телегин, 1985).

В последние годы намечается тенденция к интерпретации поселений без четких структурных элементов культурного слоя и без конструктивных остатков как базовых лагерей. Так, например, хут. Шевченко и Зимовники 1 (раскопы 1 и 2) отнесены к данному типу археологических памятников на том основании, что там “процесс изготовления средств производства занимал такое же важное место, как и их использование в разных сферах трудовой деятельности” (Горелик, 1987: 157). В ходе определения типа поселений Гиржево и Абузова балка решающую роль играла длительность использования этих стоянок и наличие собственных “кустов” памятников (Станко, 1982: 127). Не ставя под сомнение значение каждого из этих критериев базовых лагерей, необходимо также учитывать еще один, не менее важный — планиграфию поселений, возможность выявления скоплений и интерпретации связанных с ними социальных

единиц. На современном уровне археологической методики ни для одного из указанных памятников проверить эти параметры практически невозможно. В таком контексте, вероятно, уместным будет отнести их к категории сезонных стоянок, жизнь на которых протекала в теплое время года и, не исключено, неоднократно возобновлялась. Такая ситуация характера в целом и для других сезонных стоянок степной зоны. Для бореального периода, за исключением каменного основания жилища на Фронтном 1 сл. 3 в Восточном Крыму, другие остатки каких-либо конструкций не выявлены.

Наряду с возникновением базовых лагерей с кустовой системой расселения и функционирования долговременных сезонных стоянок, на более тесную связь со своей территорией и на тщательный контроль за ее ресурсами со стороны населения степной зоны указывает распространение в богатом выходами кремневого сырья нижнем течении р. Северский Донец пунктов кремнеобработки (Горелик, 1984б: 19; 1987: 47).

На возрастание оседлости населения степной Украины в бореале указывает также III Васильевский могильник с определенной системой расположения отдельных погребений (Телегин, 1962). Возникновение и закрепление на протяжении мезолита памятников данного типа стало одним из наиболее важных достижений этого времени и свидетельствует о формировании понятия родовой территории.

Тем не менее, как и в предшествующее время, в степи продолжают абсолютно преобладать кратковременные местонахождения, которые представлены главным образом подъемным материалом.

Таким образом, изменения палеоэкологической ситуации в бореале вызвали определенные подвижки в способах социокультурной адаптации населения. В степной зоне это проявилось в возрастании количества археологических памятников, возникновении новых их типов, а также формировании “кустовой” системы расположения поселений. Все это свидетельствует об определенной стабилизации жизни и укрепления связей с конкретной территорией. Возможно, эти процессы связаны с нахождением нового источника мясной пищи благодаря началу доместикировки тура. Отсутствие очагов и жилищ на многих памятниках бореального времени может объясняться относительно мягким и теплым климатом этого времени. С другой стороны, весьма бедные комплексы материальной культуры большинства поселений степной зоны указывают на продолжение поисков средств преодоления кризисного состояния.

Принципиальные изменения характера материальной культуры, систем поселений и связанного с ними образа жизни, однако в ином, по сравнению со степями, направлении, прослеживается также по материалам поселений обе-

их провинций *лесостепной зоны*. Тут в бореале не выявлены ни базовые лагеря, ни сезонные стоянки со сложным устройством. Очаги в данном регионе открыты только на поселении Атаки VI (Грибович, 1977: 284). Жилища, долговременные кострища, ветряные заслоны на памятниках автохтонных культур не прослеживаются. Несмотря на наличие в данной природно-ландшафтной зоне ряда месторождений высококачественного каменного сырья, пункты кремнеобработки исчезают. Одним из немногих свидетельств сохранения некоторых черт образа жизни предшествующего времени можно считать клад необработанного сырья на поселении Кормань IV "А" (Черниш, 1975: 81-81). Планиграфия сезонной стоянки Незвисько IX, расположенной на границе лесостепной и лесной зон, не исключает возможности существования там кратковременного легкого жилища или заслона от ветра (Мацкевой, 1991: 97). Все это указывает на начало коренной перестройки образа жизни и, вероятнее всего, хозяйственной системы населения данной природно-ландшафтной зоны. Она состоит в резком повышении подвижности в связи с кризисом традиционного охотничьего хозяйства. Последнее было вызвано распадом рангиферного и рецентного териокомплексов и формированием фауны современного типа, с одной стороны, и увеличением и без того значительного уровня обводненности данного региона, с другой. Все это не позволяло охотиться привычными традиционными способами и вызывало необходимость поисков новых источников питания и кормовых территорий. Лесостепь становится своеобразным коридором, по которому в разных направлениях перемещаются разноэтнические группы населения.

В связи с этим особое значение приобретают материалы кукурекского поселения Бурлаков Яр, где раскрыто наземное жилище, центральная часть которого углублена в материк на 0.6 м (Балакин, 1986: 40). Не исключено, что тут проявилась одна из особенностей способа адаптации кукурекцев, которые во всех областях своего расселения имеют по меньшей мере одно долговременное поселение (например, Каменная Могила, Мирное, Игрень 8 и др.). Относительная упрощенность конструкции Бурлакова Яра может объясняться тем, что его материалы фиксируют лишь начальную фазу расселения носителей культур кукурекского круга за пределы степной зоны. С другой стороны, в дальнейшем в лесостепной и лесной зонах долговременные поселения этого круга не выявлены. Это в одинаковой мере может как фиксировать степень успешности их адаптации к новым условиям существования, так и свидетельствовать о необходимости перехода к иным способам использования возможностей окружающей среды.

В целом бореальное время в лесостепи можно рассматривать как период коренной пере-

стройки культуры населения региона, базирующейся на принципиальных изменениях природно-ландшафтной и экологической ситуации. В этих условиях не исключено, что выбор стратегии жизнедеятельности мог быть связан в том числе и с этнической принадлежностью обитателей каждого конкретного поселения.

Существенные изменения материальной культуры происходят в бореале и в *Горном Крыму*. Тут они связаны с появлением проблем в ресурсообеспечении региона, сменой фоновых видов фауны и необходимостью трансформации хозяйства.

На рубеже пребореала и бореала тут развивается достаточно сложный адаптивный комплекс материальной культуры, который относится к стоянкам типа "раковинных куч". Это связано с развитием разнообразных видов деятельности мезолитического населения, в том числе и специфического для данного региона усложненного собирательства улиток *Helix* (Бибиков, 1941: 140; 1946: 130; Бибиков, Станко, Коен, 1994: 112-113). Наиболее полно такой комплекс представлен в материалах сл. 3 навеса Шан-Коба. Тут выделено 2 хозяйственно-бытовых комплекса, которые рассматриваются как места разновременных поселений. На уровне 1-2 горизонтов прослежена кладовая для хранения улиток *Helix* (глубина 1.1 м), которая использовалась на протяжении всего срока существования сл. 3; внутри кладовой в мощной толще раковин выявлены орудия для их выгребания. В горизонте 4 сл. 3 Шан-Кобы найдена яма для запекания улиток шириной 0.22 м и глубиной 0.15 м. Такие ямы внутри обкладывались листьями, туда укладывали раковины, сверху слегка присыпали землей и на 15 мин. разводили огонь. Лишь этот способ обработки давал возможность извлечь тело улитки, не повредив раковины. Типологически близкий комплекс открыт в Юсуф-Кобе (Бибиков, 1941: 140; Бибиков, Станко, Коен, 1994: 12-14).

Второй, более фундаментальный способ устройства поселений данного типа, прослеживается по материалам второго горизонта сл. 3 Мурзак-Кобы. Тут очаг по отношению к кладовой с раковинами был слегка смещен; кострище и яма обложены камнями (Бибиков, Станко, Коен, 1994: 110). Похожую конструкцию имела пекарская яма Кара-Кобы (Колосов, 1960).

Возникновение стоянок типа "раковинных куч" в Горном Крыму хронологически совпадает со временем трансформации фаунистического комплекса и изменением форм ведения хозяйства. Формирование таких комплексов, скорее всего, объясняется поиском новых источников питания. Переход к усложненному собирательству улиток *Helix* давал возможность сохранить на некоторое время привычный оседлый образ жизни, о чем свидетельствует структура поселений данного типа.

В связи с этим особое внимание привлека-

ют материалы навесов Шан-Коба сл. 3 и Мурзак-Коба сл. 3. Каждый из них состоит из жилищ, заслонов от ветра, очагов нескольких типов, хозяйственных и пекарских ям и других бытовых объектов. Микростратиграфическое изучение этих слоев свидетельствует о том, что жизнь там неоднократно возобновлялась. Учитывая длительность обитания на поселениях и характер связанных с ними артефактов, которые представляют все стадии обработки кремня и утилизации орудий труда, эти памятники условно можно отнести к типу базовых лагерей. В случае Мурзак-Кобы такое предположение подтверждается также наличием парного разнополого погребения. С другой стороны, пока невозможно окончательно выяснить социальную структуру и срок функционирования этих поселений. В результате их интерпретация как базовых лагерей остается пока лишь рабочей гипотезой.

На территории Горного Крыма можно выделить два варианта сезонных стоянок бореального времени. Первый, усложненный, реконструируется на основе материалов поселений Фатьма-Коба сл. 4/1, Таш-Аир сл. 8 и сл. 7, верхних слоев Алимовского навеса и др. Он существенно отличается от типичного для предшествующего времени. Эти комплексы более подвижны, по сравнению с пребореальными, их конструкция относительно упрощена. Так, в некоторых случаях существование жилищ там допускается условно, учитывая расположение артефактов в пещерах. Тем не менее, характер культурного слоя дает основание предположить относительно длительный срок проживания на таких поселениях. В контексте изучения способов жизнедеятельности особое значение приобретает тот факт, что именно с поселениями данного типа связывается начало доместикикации свиньи (Столяр, 1959; Крайнов, 1960).

Второй вариант устройства сезонных стоянок связан с группой памятников, где найдены или только жилища (Фатьма-Коба сл. 2, Замиль-Коба верхний слой), или только кострища (Ласпи VII, Кукрек верхний слой).

В целом в бореале характер поселений и связанный с ними образ жизни горнокрымского населения изменяется и усложняется. Среди носителей данной культурной традиции можно выделить два специфических способа использования возможностей окружающей среды. Главный фактор такой дивергенции способов социокультурной адаптации состоит в кризисе традиционного охотничьего хозяйства, которая вызвала необходимость поиска новых источников питания путем или экстенсивным (повышение подвижности), или интенсивным (переход к усложненному собирательству и доместикикации животных).

В *лесной зоне* в бореале в общих чертах сохраняются основные тенденции развития материальной культуры предшествующего време-

ни. С одной стороны, в условиях относительно более мягкого климата сохраняются традиции сравнительно оседлого образа жизни и связанные с ним конструктивные остатки. Новой чертой социокультурной адаптации бореального времени, которая отражает развитие этой тенденции на ином уровне, стало возникновение базовых лагерей.

На базовом лагере Вороцев II раскрыто 59 углублений в культурном слое, которые разбиты на 7 производственно-хозяйственных комплексов. Последние состоят, как правило, из жилищ, мест обработки кремня, хозяйственных ям и кострищ (Мацкевой, Боднар, Савчук, 1979: 368). Большая часть углублений, где найдены отдельные кремни и кости животных, интерпретируется автором раскопок как остатки хозяйственных ям и близких им по назначению объектов. Около 20 подовальных сооружений, содержащих небольшое количество находок и сопровождающихся скоплениями артефактов перед вероятными входами, рассматриваются как остатки куреней с углублениями в центре, которые использовались в теплое время года (Мацкевой, 1991: 99). Количество обитателей и длительность функционирования поселения можно оценивать по-разному в зависимости как от социального устройства этой группы населения, так и от количества жилищ и фауны. В отличие от других базовых лагерей лесной и степной зон, поблизости Вороцева II небольшие однокультурные памятники, которые формировали бы его промысловую территорию, не выявлены.

В общих чертах подобные принципы устройства базового лагеря прослеживаются по материалам поселения Рудой Остров в Киевском Полесье. Тут на площади 700 кв.м. раскрыто 11 заполненных серым зольным песком линз, которые интерпретируются как остатки углубленных кострищ и жилищ. Длительность обитания тут подтверждается мощностью и насыщенностью культурного слоя, а также относительно равномерным распространением находок на площади поселения. "Куст" однокультурных памятников составляют кратковременные местонахождения ДВС, Бородянка, Кухари 2, Тетерев и др. (Зализняк, 1977б: 30; 1984: 48).

На поселении Песочный Ров в Полесье раскрыто 3 углубленных кострища, два из которых имеют специфическую форму наклоненной чаши, близкую рудоостровским очагам. Кроме того, тут прослежено плотное скопление нескольких сотен кремневых отщепов, обломков, расколотых желваков, нуклеусов, которое соотносится с местом первичной обработки сырья. Инвентарь, представляющий все этапы изготовления орудий труда, и своеобразное расположение очагов и скоплений кремневых артефактов дают возможность предположить существование тут в древности легкого наземного куреневидного жилища. В таком контексте не исклю-

чено, что Песочный Ров мог быть базовым лагерем охотников и собирателей, где жизнь проходила преимущественно в теплое время года. Поблизости выявлено несколько однокультурных пунктов обработки кремня, а также кратковременные местонахождения Грязьки, Крейда, Мамекино и др. (Телегин, 1982: 84; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986: 120; Зализняк, 1991: 116). Уточнение типа данного памятника станет возможным лишь после тщательного планиграфического и трасологического анализа структурных элементов культурного слоя.

Наряду с базовыми лагерями в лесной зоне выявлен ряд сезонных стоянок со сложным устройством. Так, на поселении Старуна 1 в Предкарпатье выявлены остатки двух углубленных жилищ типа чумов, ветряной заслон с фундаментом из плиточного песка с выходом в направлении реки, 4 хозяйственных ямы и 3 очага, заполненные древесным углем. Между этими объектами прослежены скопления кремневых артефактов, которые рассматриваются как места обработки кремня. Судя лишь по фауне, тут на протяжении более 1 месяца обитало около 10 человек. В общих чертах подобное устройство имели поселения Нобель 1 (верхний слой) и Брюховичи VI (Грибович, 1980: 59; Мацкевой, 1991: 14-15). На последнем жизнь могла продолжаться более двух месяцев. К памятникам данного типа относится также Камяница 1, где найдены остатки наземного жилища с каменным основанием и кострище (Мацкевой, 1987б: 87).

В бореальное время в лесной зоне сохраняются также сезонные стоянки упрощенной конструкции. Так, на поселениях Выжевка, Бородянка IIIв и Терновица III найдены остатки лишь углубленных жилищ без четких следов кострищ (Охрименко, 1983: 303; Мацкевой, 1987в: 372). Основания заслона от ветра открыты на поселении Камяница II, датируемом атлантическим периодом голоцена (Мацкевой, 1987б: 87; 1991: 71). На поселении Криница 4в в Волынском Полесье прослежены остатки 6 углубленных кострищ, с которыми связаны все находки (Зализняк, 1991: 116).

Еще один вариант устройства сезонных стоянок лесной зоны этого времени реконструируется на основе материалов дюнного поселения Красноселье в Западном Полесье. Тут выявлено 14 овальных скопления кремневых артефактов; жилища и очаги не обнаружены (Грибович, 1978: 315-316). Типологически подобны ему материалы поселения Хильчицы Львовской области (Телегин, 1985: 123).

Третья разновидность сезонных стоянок представлена материалами поселения Гридасово в Новгород-Северском Полесье, где не выявлены ни конструктивные остатки, ни скопления артефактов, однако мощность культурного слоя и состав находок дают основания для отнесения его к поселениям данного типа. Возникновение и распространение в лесной зоне

двух последних вариантов сезонных стоянок связаны с возрастанием подвижности населения в конце мезолита в результате назревания кризиса традиционного охотничьего хозяйства.

В целом в лесной зоне Украины на протяжении бореала — атлантического периода голоцена можно выделить две традиции устройства поселений. Первая, которая отражает тенденцию сохранения привычного, относительно оседлого образа жизни, реализуется в эту эпоху как в форме традиционных сезонных стоянок, так и в виде базовых лагерей. Наряду с ними в конце мезолита достаточно широкое распространение получают “подвижные” комплексы, связанные с усилением кризисных палеоэкологических явлений. Близкая к выявленной в степях “кустовая” система распространения поселений, возможно, также связана с общими основами относительно оседлого образа жизни: коллективы, проживая на большом долговременном поселении, организуют поблизости него охотничьи, сырьевые экспедиции в поисках необходимых ресурсов. Потребление и хранение последних происходило, как правило, на базовом лагере. В лесной зоне, однако, “кусты” кратковременных местонахождений прослеживаются не во всех случаях.

Краткий обзор основных типов мезолитических памятников дает возможность выделить этапы эволюции систем поселений и связанных с ними способов жизнедеятельности, которые в общих чертах согласовываются с палеогеографическими рубежами и обуславливают изменения основ ведения хозяйства. Среди факторов, оказывающих существенное влияние на выбор систем жизнедеятельности, важное место занимает специфика экологической ниши и исторически сложившиеся особенности культуры (в том числе и этнической) отдельных групп населения.

Существование каждого отдельного типа археологических памятников предполагает наличие выработанной многими поколениями системы саморегуляции первобытного коллектива. Наряду со многими другими компонентами в нее входят: периодические перемещения, иногда на значительное расстояние, проживание на одном месте, обеспечение пригодных для жизнедеятельности и продолжения рода условий, изготовления и использование орудий труда, ритуальная деятельность. Таким образом, изучение систем поселений на основе выделения и интерпретации типов памятников дает практически исчерпывающую информацию об образе жизни отдельных групп населения. В таком контексте поселение может одновременно выступать и как средство приспособления к определенным условиям существования, так и основной исторический источник для реконструкции систем культурно-исторической адаптации отдельной общности мезолитического населения.

ЛИТЕРАТУРА:

- Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. — К.: Наукова думка, 1985. — 567 с.
- Бадер О.Н. Изучение эпипалеолита Крымской области // СА. — 1940а. — № 5. — С. 93-100.
- Балакин С.А. Мезолітичне поселення в урочищі Бурлаків Яр на Дністрі // Археологія. — 1986. — Т. 53. — С. 37-47.
- Балакин С.А., Козловский А.А., Телегин Д.Я. Раскопки у с. Игрень на Днепре // АО 1978 г. — М.: Наука. — 1979. — С. 294-295.
- Березанская С.С. Разведка в северных районах Украины // АИУ 1967 г. — К.: Наукова думка. — 1968. — Т. 2. — С. 30-35.
- Бибиков С.Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. // СА. — 1936. — Т. 1. — С. 195-212.
- Бибиков С.Н. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время // МИА. — 1941. — № 2. — С. 140-142.
- Бибиков С.Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму / КСИИМК. — 1946. — Вып. 13. — С. 126-130.
- Бибиков С.Н. Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма // МИА. — 1966. — № 126. — С. 138-143.
- Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. — Одесса: Весть, 1994. — 331 с.
- Векилова Е.А. Мезолитическая стоянка Сюрень II // КСИА АН УССР. — 1957. — Вып. 7. — С. 7-8.
- Витов М.В. О классификации поселений // СЭ. — 1953. — № 3. — С. 27-37.
- Гавриленко І.М. Про статевовікову структуру ранньомезолітичної общини (за матеріалами поселення В'язівок 4а у Посуллі) // Проблеми археології, древньої і середньовікової історії України. — Харків: АО "Бізнес-інформ". — 1995. — С. 7-8.
- Гавриленко І.М. Житлові та господарські споруди мезолітичної стоянки В'язівок 4а // Археологічний літопис Лівобережної України. — 1997. — № 1-2. — С. 46-55.
- Горелик А.Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье // СА. — 1984а. — № 2. — С. 115-133.
- Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. — К.: Наукова думка. — 1984б. — С. 4-22.
- Горелик А.Ф. Новые мезолитические памятники с яниславичскими элементами на Северском Донце // СА. — 1987. — № 3. — С. 146-160.
- Грибович Р.Т. Исследование мезолитической стоянки Атаки VI на Днестре // АО 1976 г. — М.: Наука. — 1977. — С. 283-284.
- Грибович Р.Т. Мезолитические памятники у с. Красноселье // АО 1977 г. — М.: Наука. — 1978. — С. 315-316.
- Грибович Р.Т. Мезолітична стоянка Нобель I на Волині // Археологія. — 1980. — № 35. — С. 53-63.
- Грибович Р.Т. Исследования в верховьях р. Иквы // АО 1985 г. — М.: Наука. — 1987а. — С. 321-322.
- Грибович Р.Т. Мезолит Западной Волыни // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К.: Наукова думка. — 1987б. — С. 66-75.
- Даниленко В.Н. Волошский эпипалеолитический могильник // СЭ. — 1955. — № 3. — С. 56-61.
- Дворянинов С.А. О днепровских могильниках каменного века // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка. — 1978. — С. 5-16.
- Добровольский А. Восьма Ігрінська неолітична стоянка // АП УРСР. — Т. 2. — К.: Вид-во АН УРСР. — 1949. — С. 243-252.
- Зализняк Л.Л. Исследование мезолитических памятников в Киевском Полесье // АО 1976 г. — М.: Наука. — 1977а. — С. 295-296.
- Зализняк Л.Л. Мезолит Восточной Волыни и Киевского Поднепровья в свете новых исследований // Новые исследования археологических памятников на Украине. — К.: Наукова думка. — 1977б. — С. 23-44.
- Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — К.: Наукова думка, 1984. — 120 с.
- Зализняк Л.Л. Закономірності в розміщенні стоянок кам'яного віку // Археологія. — 1989. — № 2. — С. 11-20.
- Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. — К.: Наукова думка, 1991. — 156 с.
- Кизь Г.В. Мезолитические местонахождения Мирное 2 и 3 // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — К.: Наукова думка. — 1980. — С. 24-26.
- Коен В.Ю. Некоторые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе X — XI тыс. лет до н.э. // РА. — 1992. — № 2. — С. 5-19.
- Коен В.Ю. Раскопки в гроте Скалистый // Археологические исследования в Крыму. — Симферополь: Таврия. — 1994. — С. 141-146.
- Колосов Ю.Г. Раскопки пещеры Кара-Коба в Крыму // КСИА АН УССР. — 1960. — Вып. 10. — С. 17-22.
- Колосов Ю.Г. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. / САИ. — А — I-5. — М.: Наука, 1964. — С. 42-49.
- Конопля В.М. Исследование поселений у сел Ярославовичи и Малые Дорогостай // АО 1979 г. — М.: Наука. — 1980. — С. 286-287.
- Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Замиль-Коба I // Труды ГИМ. — 1938. — Вып. 8. — С. 7-32.
- Крайнов Д.А. Стоянка Замиль-Коба I // БКИЧП. — 1940. — № 6-7. — С. 85.
- Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. — 1960. — № 91. — С. 3-165.
- Красковский В.И. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. Археологическая карта. — К.: Наукова думка, 1978. — 70 с.
- Массон В.М. Палеолитическое общество Восточной Европы. Вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза. — С.-Пб., 1996. — 73 с.
- Мацкевой Л.Г. Исследование памятников мезолита // АО 1985 г. — М.: Наука. — 1987а. — С. 370-371.
- Мацкевой Л.Г. Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Прикарпатья // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К.: Наукова думка. — 1987б. — С. 75-89.
- Мацкевой Л.Г. Исследования Прикарпатской и Яворовской экспедиций // АО 1985 г. — М.: Наука. — 1987в. — С. 371-372.

- Мацкевой Л.Г. Мезолит Запада Украины. — К.: Наукова думка, 1991. — 148 с.
- Мацкевой Л.Г., Адаменко О.М., Пашкевич Г.А., Татаринцов К.А. Природная среда и мезолит Запада Украины // СА. — 1983. — № 1. — С. 5-30.
- Мацкевой Л.Г., Боднар Г.Е., Савчук А.П. Исследования в с. Вороцев // АО 1978 г. — М.: Наука. — 1979. — С. 368.
- Неприн В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. — К.: Наукова думка, 1986. — 240 с.
- Неприн В.И., Супруненко А.Б., Гавриленко И.Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4а // РА. — 1992. — № 3. — С. 136-146.
- Охрименко Г.В. Раскопки жилищ каменного века на Вольни // АО 1981 г. — М.: Наука. — 1983. — С. 303.
- Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. — К.: Наукова думка, 1969. — 162 с.
- Рах Х.Ю. Поселение // Материальная культура. — М.: Наука, 1989. — С. 144-146.
- Рудинський М.Я. До питання про культури "мезолітичної доби" на Україні // Антропология. — 1928. — Т. 1. — С. 73-94.
- Рудинський М.Я. Досліди в Журавці // Антропология. — 1929. — Т. 2. — С. 140-151.
- Рудинський М.Я. Дубно-Кременецька палеолітична експедиція // АП УРСР. — 1952. — Т. 4. — С. 143-154.
- Рудинський М.Я., Вороний А. З приводу знахідок в м. Журавці на Прилуччині // Антропология. — 1928. — Т. 1. — С. 65-71.
- Савчук А.П. Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье // СА. — 1975. — № 4. — С. 92-98.
- Сериков Ю.Б. Выйка — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. — 1988. — № 1. — С. 17-32.
- Станко В.Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология. Поиски и находки. — К.: Наукова думка. — 1980. — С. 90-109.
- Станко В.Н. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1982. — 176 с.
- Станко В.Н. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка. — 1985. — С. 31-45.
- Станко В.Н. О дискретном характере орудийного производства в ранней родовой общине // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. — К.: Наукова думка. — 1989. — С. 216-128.
- Станко В.Н. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в азово-причерноморских степях // Древности. — Харьков: АО "Бизнес-информ". — 1995. — С. 6-11.
- Станко В.Н. Эпоха мезоліту // Давня історія України. — Т. 1. — К.: Наукова думка. — 1997. — С. 114-156.
- Столяр А.Д. Могильник мезолитического времени у с. Васильевки на Днепре // Советская антропология. — 1957. — № 2. — С. 179-188.
- Столяр А.Д. Об одном центре одомашнивания свиньи // СА. — 1959. — № 3. — С. 3-18.
- Столяр А.Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА АН СССР. — 1961. — Вып. 84. — С. 33-44.
- Тарасов Л.М. Раскопки на стоянке Куба // АО 1983 г. — М.: Наука. — 1985. — С. 363-364.
- Телегин Д.Я. Василівський третій некрополь в Надпоріжжі // Археология. — 1962. — Т. 13. — С. 3-19.
- Телегин Д.Я. Изучение домостроительства и планирования поселений мезолитического времени в Поднепровье // АИУ в 1978 — 1979 гг. — Днепропетровск. — 1980. — С. 34-35.
- Телегин Д.Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К.: Наукова думка, 1982. — 255 с.
- Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Карта местонахождений. — К.: Наукова думка, 1985. — 183 с.
- Телегин Д.Я., Тарасенко М.И. Мезолитическая стоянка у хутора Роголик // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л.: Наука. — 1983. — С. 35-39.
- Федоров П.В. К вопросу о "кремневых складах" в неолитическое время // МИА. — 1953. — № 39. — С. 286-293.
- Чердынцев В.В. Абсолютная геохронология палеолита // Палеолит и неолит СССР / МИА. — 1971. — № 173 (2). — С. 298-313.
- Черныш А.П. Владимировская палеолитическая стоянка // БКИЧП. — 1953. — № 17. — С. 43-51.
- Черниш О.П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. — К.: Наукова думка, 1975. — 167 с.
- Яневич А.А. Новая финальнопалеолитическая стоянка Вишенное II в Крыму // Пізнєопалеолітичні пам'ятки центру Північного Причорномор'я. Препринт. — Херсон, 1992. — С. 20-31.
- Яневич А.А. Охранные раскопки стоянок Вишенное I и Вишенное II // Археологические исследования в Крыму. — Симферополь: Таврия. — 1994. — С. 289-293.
- Binford L.R. The archaeology of place // Journal of Anthropological Archaeology. — 1982. — no. 1. — P. 5-31.
- Fladmark K.P. Microdebitage analysis: initial considerations // JAS. — 1982. — Vol. 9. — P. 205-220.
- Gamble C. The World at 18 000 B.P. Vol. 1. High latitudes. — London: Unwin Hyman, 1990. — 165 p.
- Hole F., Flannery K.V. The prehistory of South-Western Iran // PPS. — 1967. — Vol. 33. — P. 158-169.
- Migration // Larousse de XXe siecle en 6 vol. — Paris: Librerie Larousse, 1994. — Vol. 4. — P. 871-872.
- Sklenar K. Paleolithic and mesolithic dwellings: problems of interpretation // Pamatky archeologicke. — LXVI. — 1975. — cislo 2. — P. 266-304.
- Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. — London: Academic Press, 1985. — 539 p.
- Stein Ph.L., Rowe B.M. Physical anthropology. — 4th ed. — McGraw-Hill, Inc., 1989. — 512 p.